Однако не все разделяют необходимость наличия в юридической науке рецептов, технологий и процедур, т.е. методики, исследования. Например, Д. А. Керимов, отмечая, что «первичная обработка эмпирического материала не осуществляется каким-то заранее подготовленным набором процедур, а имеет бесконечное множество вариантов, и каждый исследователь использует для этой цели не только уже применявшиеся ранее методические и технические средства, но и, опираясь на свой опыт (если угодно, даже на интуицию), самостоятельно изобретает их по ходу исследования применительно к своеобразию изучаемого объекта» [1, с. 41].

Похожей позиции придерживается В. С. Нерсисянц, который рассуждая о новом знании и процедурах научных открытий в юриспруденции, замечает, что «неизвестным остается как само это предстоящее новое, так и, разумеется, сам конкретный способ его открытия так что нет и не может быть правила открытия нового, методики о том, как конкретно и какое именно новое открыть. Иначе получилось бы, будто уже заранее известно то новое, которое пока как раз и остается неизвестным (курсив мой – А. У.)» [3, с. 15-16].

Подводя итог следует заключить, что социокультурный подход нуждается в конкретизации в виде методики, однако она не должна абсолютизироваться и подменять метод познания, а органически его дополнять, делая более понятным и практичным для исследователя.

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта
Президента РФ № мд-6669.2016.6*

1. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права): монография. – М., 2001. – 560 с.
2. Мамычев А.Ю. Социокультурные (архетипические и ментальные) основания публично-властной организации общества: монография / А. Ю. Мамычев, В. Я. Любашиц, А. Ю. Мордовцев и др. – М., 2017. – 187 с.
3. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. – М., 2012. – 560 с.
4. Овчинников А.И. Архетипические и социокультурные основы правопонимания и правовой политики российского государства: монография / А. И. Овчинников, А. Ю. Мамычев и др. – Владивосток, 2015. – 290 с.

Уханов А.Д.

Концептуально-правовая интерпретация архетипа в современной теории права

*НИУ «Высшая школа экономики»
(Россия, Москва)*

doi:10.18411/spc-20-10-2017-12

idsp: 000001:spc-20-10-2017-12

В современной юридической науке всё чаще встречается термин «правовой архетип», используемый для описания чего-то устойчивого в праве (правовой реальности). Единое понимания в настоящий момент отсутствует, что требует рассмотрения концептуально-правовых интерпретаций архетипа.

Прежде всего, следует заметить, что первым, кто предложил использовать термин «архетип» в правовых исследованиях был К. В. Арановский, более того, именно он предположил «говорить о правовых архетипах». Его подход можно обозначить как смешанный или психолого-культурологический, поскольку хотя национальная культура и является «хранилищем» архетипов, тем не менее, они имеют психическую природу. Т.е. сущность архетипа лежит в области психического, однако рассмотреть его или объективно обнаружить его можно только через культуры, в которой он

проявляет себя. Воздействие архетипов расценивается К. В. Арановским как тотальное, т.е. именно «они определяют собой культуры, являясь для сферы наличного права неизменным явлением» [1, с. 13].

В целом в такой интерпретации архетипы выступают достаточно жесткими конструкциями, «не позволяющими совершить полный переход из одной государственно-правовой традиции в другую», и потенциально оказывающими «праворазрушающее влияние» на привнесенный в определенную социокультурную среду инородный юридический опыт, не согласующийся с правовыми архетипами. Такое влияние архетипов исследователь связывает с тем, что «многие виды человеческого поведения исключают целевую мотивацию и предполагают мотивацию, исходя из прошлого». Ценность же архетипической «закодированности» культуры и правовой реальности состоит в том, что «архетип обеспечивает неповторимость и прочность правовой традиции» [1, с. 13-14].

Близкой к данной интерпретации позиции придерживается О. И. Мирошниченко, которая определяет правовой архетип как «установку на поведение в правовой сфере, эволюционировавшую из мифа в процессе культурной дифференциации и представляющую собой «элементарный» мотив или образ, повторяющуюся модель опыта, воспроизводящуюся бессознательными психологическими механизмами» [2, с. 4]. Так источником архетипов служит мифологическая картина мира, именно с ней они связывают своё возникновение, сохраняясь в практической деятельности благодаря механизмам работы психики. По своей же сути правовой архетип является первичным образом деятельности, что делает его реально действующим регулятивным началом, оказывающим влияние на юридический быт.

Сугубо психологическую, юнгианскую интерпретацию правовых архетипов можно обнаружить в работе В. Н. Чайки. Под ними понимаются «элементы коллективного бессознательного, вырабатывающие определённые первообразы права, которые носят схематический характер и составляют основу представлений человека о правовой реальности». На основе архетипов права «оформляются конкретные историческое и культурно обусловленные содержательные образы, соответствующие в реальной жизни стереотипам деятельности человека в правовой реальности» [3, с. 5]. Т.е. именно психологическое начало, является правообразующим социально-правовых практик в соответствующей культуре.

И наконец, социокультурная интерпретация архетипа, представленная А. Ю. Мамычевым, А. И. Овчинниковым, Д. И. Мамычевой и М. Е. Тюриным. Так, во-первых, под архетипическими политико-правовыми структурами, укоренёнными в культуре и социокультурном пространстве предлагается понимать «кристаллизацию политико-правового опыта, фиксирующую базовые сценарии юридического и политического мышления, режимность взаимодействия между личностью, обществом и государством, формообразующие тенденции в институционально-правовой организации социума» [4, с. 148]. Далее эта мысль уже с ценностным окрасом поясняется относительно правового архетипа, который определяется как «осознанный и преемственно воспроизводящийся из поколения в поколение первичный правовой идеал, возведенный посредством духовно-нравственных норм и приоритетов в правокультурный канон развития, обуславливающий ценностную систему и социально-правовой кодекс (типизированный шаблон) социально-правового взаимодействия в системе личность-общество-государство» [5; с. 75].

Таким образом, в современной теории права можно выделить три концептуально-правовых интерпретации архетипа: психолого-культурологическую, психологическую (юнгианскую) и социокультурную.

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта
Президента РФ № мд-6669.2016.6*

1. Арановский К. В. Конституционная традиция и её распространение в Российском обществе: автореф. ... д-р. юрид. наук: 12.00.02 / Арановский Константин Викторович. - СПб., 2004. – 52 с.
2. Мирошниченко О. И. Русский культурный архетип как средство идентификации современного российского права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Мирошниченко Ольга Игоревна. - М., 2016. – 218 с.
3. Мордовцев А. Ю. Национальные и провинциальные тренды развития российской государственной власти: монография / А. Ю. Мордовцев, А. Ю. Мамычев и др. - М.: Юрлитинформ, 2013. – 328 с.
4. Овчинников А. И. Архетипические и социокультурные основы правопонимания и правовой политики российского государства: монография / А. И. Овчинников, А. Ю. Мамычев, Д. И. Мамычева, А. В. Манастырный, М. Е. Тюрин, А. В. Юшко. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2015. – 290 с.
5. Чайка В. Н. Элементы бессознательного в правовой реальности России: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Чайка Виктория Николаевна. - СПб., 2006. – 23 с.

Фатихов Р.В.

Правовые вопросы структуры органов управления хозяйственного партнерства в Российской Федерации

*Бакирский государственный университет
(Россия, Уфа)*

doi:10.18411/spc-20-10-2017-13

idsp: 000001:spc-20-10-2017-13

Научный руководитель Тужилова-Орданская Е.М.

Введение Федеральным законом от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» (далее - Закон) хозяйственного партнерства как новой организационно-правовой формы юридического лица, выявило в правоприменительной на практике ряд вопросов. В частности, один из них касается формирования структуры органов управления хозяйственного партнерства.

Участие партнеров, так же как и иных лиц, в управлении партнерством может осуществляться исключительно через его органы, что, на наш взгляд, противоречит самому определению хозяйственного партнерства, в ч. 1 ст. 2 Закона, в которой указывается возможность управления партнерством его участниками и другими лицами, указанными в соглашении об управлении партнерством.

Такое положение представляет некоторые затруднения, поскольку не ясна позиция законодателя, который предполагает, управление деятельностью партнерства осуществляется его участниками и иными лицами, если из содержания Главы 4 Закона, посвященной управлению партнерством, следует, что такое управление осуществляется посредством структуры его органов.

Законодательно перечень органов управления хозяйственного партнерства определен в п. 10 ч. 7 ст. 6 Закона, к которым он относит: совет директоров партнерства, наблюдательный совет партнерства, правление партнерства, дирекция партнерства, комитет партнерства и президиум партнерства и другие.

В этой связи возникает закономерный вопрос о необходимости установления законодателем такого обширного перечня органов хозяйственного партнерства,